

ДЖИН

A romantic scene between a muscular man and a woman in a shower. The man is shirtless, showing his well-defined muscles and intricate tattoos on his arms and chest. He is looking down at the woman with a soft expression. The woman is wearing a dark, shiny, form-fitting dress and is looking up at him. They are standing close together, and the background is a shower stall with a showerhead visible. The lighting is dramatic, with strong blue and purple tones, creating a moody and intimate atmosphere. The overall aesthetic is sensual and cinematic.

*Любое желание
— твое*

ЛИСАВЕТА ЧЕЛИЩЕВА

18+

Лисавета Челищева

Джин. Любое желание — твое

<https://litres.ru/74065886>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне позарез нужны были деньги. Судьба — или чья-то злая шутка — притащила меня к дверям странного бара с вывеской «Джин». Там пообещали, что позаботятся обо мне... Самая банальная и грязная сделка, думала я. Продавать свое тело. Но я даже не представляла, во что вляпалась на самом деле. Я впустила в свою жизнь что-то древнее, тёмное и до мозга костей пугающее. Теперь я не знаю: смогу ли я вырваться из этого кошмара? Или я сама захлопнула дверцу клетки, из которой пути назад уже нет?

***

Напряжение между героями 18+

Конфликт "начальник-подчинённая"

Тёмная мистика сюжета

Властные мужчины и упрямая героиня

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	58
Глава 6	70
Глава 7	81
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Лисавета Челищева

Джин. Любое желание — твое

Дисклеймер

Данная книга содержит откровенные сцены сексуального характера, включая описания различных кинков (специфических предпочтений) и практик. Предназначено исключительно для лиц старше 18 лет. Некоторые сцены могут включать элементы доминирования и подчинения, силовой игры, а также другие сцены откровенного содержания, которые могут подойти не всем читателям.

Настоятельно рекомендуется соблюдать осторожность. Продолжая чтение, вы подтверждаете, что достигли совершеннолетия и даете согласие на ознакомление с данным контентом.

ОТРЫВОК:

— Даже сейчас — Вы купили меня, как вещь! Я не просила... я не просила Вас вмешиваться. Я сама сделала свой выбор.

Его взгляд потемнел, стал почти непроглядным.

— То есть для тебя... продавать своё тело первому встреч-

ному — это лучше, чем попросить о помощи?

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не разреваться.

— То, что я продаю, принадлежит только мне. Моё тело — это моё дело. Вас это не касается.

Его губы искривились в усмешке. Нехорошей, опасной.

— Что ж, — протянул он. — Раз так... раз я для тебя просто первый встречный, купивший тебя за деньги... — Он сделал паузу, и в этой паузе повисла угроза. — Тогда я должен получить хорошую отдачу за свои три миллиона, не думаешь?

Глава 1

Два года. Два года, как я в этом городе. Два года чудовищных смен в больнице имени Семашко, бесконечных переработок, ночей, проведённых скрючившись на продавленном диване в ординаторской. А долг, который привезла с собой из Сибири, казалось, и не думал таять — только рос, обрастая процентами, как плесень на стенах моей коммуналки.

Моей зарплаты — двадцать пять тысяч, смех, да и только — едва хватало на комнату, гречку и проездной. Накопления? Их не существовало в природе. Каждая копейка уходила на кредит за медицинский колледж и выживание в большом городе, который не спит. Хотя в Питере он скорее хмуро дремлет, кутаясь в сырость и плача мелким дождём.

Я потянулась за кофе, когда на телефоне выскочило уведомление. «Оплатите электроэнергию до завтрашнего дня: 7 832 ».

Я заблокировала телефон, засунула его в карман халата. Тупая боль пульсировала за глазами. На карте оставалось шесть тысяч двести. Опять не хватает. Опять. Этот город пожирал меня, пережёвывал и выплёвывал, как дешёвую жвачку.

— Яблонева! — резкий голос старшей медсестры Галины Ивановны вонзился в мысли, как скальпель. — Хватит в телефоне тут сидеть, бегом в реанимацию! Валентин Викторо-

вич уже минут десять ждёт!

Желудок сжался. Валентин Викторович Резерфорд. Заведующий отделением, лучший хирург больницы, человек, одним взглядом способный отправить интерна в нокаут. Высокий, черноволосый, с такими тёмно-кариими глазами, что они казались почти чёрными. Он жил в элитном поселке под городом, носил часы, на которые я год копила бы, и пахло от него не больничной хлоркой, а дорогим парфюмом. Я всегда старалась держаться от него подальше. От него исходила опасность. Не та, криминальная, а другая — опасность возжелать то, что тебе не по карману.

Я затянула резинку на хвосте, расправила плечи и быстро зашагала по коридору. Мимо плачущих кардиомониторов, мимо застарелого запаха хлорки, который, кажется, въелся в стены ещё со времён блокады. Очередная смена. Очередная бессонная ночь.

И всё равно. Сколько не впахивай — денег нет.

Но я всегда хотела быть медсестрой. С детства, когда читала книги о милосердии в библиотеке крошечного сибирского городка, представляла себя в накрахмаленной шапочке, с тёплой улыбкой помогающей людям. Я сильно боролась за эту мечту: вкалывала как проклятая с четырнадцати лет. Ночами зубрила анатомию при свете настольной лампы, расставляла товары в «Пятёрочке», мыла полы в придорожном кафе, толкалась в очередях в учебной части — только чтобы вырваться из той дыры, где отец давно спился, а мама свата-

ла меня за престарелого соседа-извращенца.

Но это... То что у меня было сейчас — это была не та жизнь, о которой я так мечтала.

Питер, культурная столица, город белых ночей и разводных мостов. Для туристов — романтическая сказка. Для таких, как я — коммуналка на Василеостровской, где стены в жутких подтёках, батареи чуть тёплые, а сосед, алкаш дядя Толик, каждую ночь слушает шансон и материт правительство.

Я снимала комнату — восемнадцать квадратов с тараканами. Это была и моя спальня, и кухня, и всё сразу. В углу газовая плита с ржавыми конфорками, рядом продавленный диван, на котором я спала, ела и плакала.

Десять тысяч — комната. Пять — коммуналка и интернет. Пять — еда. Гречка, макароны, курица по акции. Пять — прочее: таблетки от головы, прокладки, порошок. И в конце месяца — ноль. Иногда занимала у Галины Ивановны до зарплаты, просто чтобы дотянуть.

С Галиной Ивановной мы сдружились на почве вечного безденежья и нелюбви к заведующему. Она хотя бы снимала студию в Купчино, а не угол в коммуналке. В этом я ей немного завидовала.

И ради чего всё это? Ради четырнадцатичасовых смен, которые высасывали все соки? Ради того, чтобы носиться по больнице, выслушивать претензии от врачей и менять утки лежачим старикам? Ради того, чтобы есть всухомятку в под-

собке и плакать в кабинке туалета, когда накрывало окончательно?

Я просто хотела помогать людям. Я не подписывалась на то, чтобы страдать и выживать из-за того.

— Яблонева.

Я подняла голову. Валентин Викторович стоял у моего поста, протягивая историю болезни пациента. Даже не взглянул на меня, изучая анализы. Дорогой пиджак сидел на нём безупречно, выгодно подчёркивая широкие плечи, тёмные волосы с лёгкой проседью на висках были аккуратно уложены. От него точно пахло свежестью и деньгами.

— Зайдите в двести третью, снимите ЭКГ и проверьте сатурацию. У больного ночью падало давление.

Я взяла карту, кивнула. Пальцы на секунду коснулись его — случайно, когда забирала бумаги.

— Хорошо, Валентин Викторович.

Он ничего не ответил. Развернулся и ушёл в ординаторскую. Для него я была просто приложением к капельнице. Функцией. Медсестра Яблонева из двадцать второй палаты. Ни имени, ни лица.

Я вздохнула, размяла затекшую шею и поплелась работать.

Смена кончилась далеко за полночь. Тело ломило так, будто по мне проехали трамваем, голова гудела от недосыпа, и есть хотелось зверски. Больничная столовая закрылась ещё в восемь, да я бы там всё равно ничего не взяла — цены

бешеные.

В кошельке жалобно звенело пятьсот семьдесят рублей. Хватит на шаверму в ларьке у метро и, может, на самый маленький стакан капучино из автомата.

Я накинула пуховик прямо поверх формы — в Питере в марте промозгло, сырость пробирает сильно, а ветер с Невы продувает насквозь. Я вышла на улицу и зашагала к метро.

У ларька с шавермой, несмотря на ночь, толпился народ: дальнобойщики, уставшие курьеры, пара поддатых парней в спортивках. Вкусно пахло жареным мясом, луком и сыростью реки.

— Пожалуйста, две шавермы, одну без лука, и лепешку, — кивнула я узбеку в фартуке.

Забрала еду, отошла к столбу, врытому в асфальт. Достала телефон.

СМС от Галины Ивановны: «Сонь, ты как? Я на смену завтра, может, пересечёмся? Кофе беру с собой, угощаю».

Уведомление из приложения банка: «Поступление зарплаты: 22 000 ».

Я усмехнулась. Ай, молодцы, обсчитали на три тысячи, как обычно. В бухгалтерии уже привыкли — напишешь заявление, они через месяц доплатят, будто одолжение сделают.

Я затушила экран, медленно выдохнула, чувствуя, как вес этого дня давит на плечи сильнее обычного. Просто под конец месяца, наверное, всегда тяжелее.

И тут я услышала чьи-то голоса.

Два мужика стояли чуть поодаль, курили «Парламент» и разговаривали вполголоса, но ветер доносил обрывки до меня.

— ...Слушай, вчера одна вообще космос была, — говорил один, лысоватый, в черном пуховике с меховым воротником, выпуская дым. — Молодая, свежая, губы такие... ну ты понял. Грудь — закачаешься. Не то что наши обрюзгшие бизнес-вумен с их вечными проблемами.

Второй мужик, с аккуратной бородкой, хмыкнул, поправляя шарф цвета бордо.

— И почём нынче такое удовольствие?

— Пятьдесят косарей. Но оно того стоит, — лысоватый довольно затаился. — Ты бы видел, как она двигалась... Мы с ней в машине. Она знала, как завести мужчину с полуслова. Как брать инициативу в свои руки. От неё шёл жар, она не стеснялась своей страсти, позволяла делать с собой всё, что хочется, и при этом сама с ума сходила от возбуждения. Кричала так, что стекла запотели — и это не было игрой. С ней хотелось забыть обо всём. Такая тёплая, податливая, ласковая ещё после

Я застыла с открытым ртом, с шавермой в руке. Пятьдесят тысяч? За интимную встречу?

Я сразу почему-то представила, сколько смен в реанимации мне нужно отработать, чтобы получить эти деньги. Два месяца.

— Да ладно, пятьдесят кусков за час? — присвистнул бородатый, и в его голосе послышалась зависть. — Какая-то завышенная цена.

— Цена оправдывает себя, поверь. Это тебе не шалава с вокзала. Элитка. Бар «Джин», слышал, может? На Фонтанке, почти у самого Летнего сада. Там только по записи и для своих. Девочки — модели, студентки, даже замужние есть, которым скучно. Чисто, красиво, конфиденциально. Никакой пошлости, всё чинно-благородно. Прекрасный сервис.

— И часто ты туда?

— Раз в неделю точно. Жена ничего не знает, а мне разнообразие нужно. Эти девушки знают, чего хотят мужчины, и не строят из себя недотрог. Они приходят за тем же, за чем и мы — за удовольствием и деньгами. Честный обмен.

Мужчины затушили сигареты о железную урну и пошли к тёмному джипу с тонированными стёклами, припаркованному у обочины. Номера красивые, с тремя девятками. А я стояла в оцепенении, сжимая картонный стаканчик с остывшим чаем так, что он затрещал. В ушах пульсировало: «Пятьдесят тысяч... пятьдесят тысяч...».

Бар «Джин» Место, о котором не говорят вслух. Место, где девушки зарабатывают пятьдесят тысяч рублей за ночь. Может, и больше. За час. За два.

Я проглотила кусок шавермы, почти не жуя. Мясо показалось безвкусным картоном. Перед глазами стояла та сцена, которую описывал мужик: девушка сверху, её грудь, её сто-

ны, машина с запотевшими стёклами, запах секса и пота. Я представила себя на её месте. Богатый мужчина, его руки на моём теле, запах дорогого парфюма, а потом — пачка красных купюр в сумочке. Хрустящие купюры.

Неожиданно для самой себя я почувствовала, как между ног стало влажно. Чёрт. Прямо здесь, у ларька с шавермой, среди пьяных парней и дальнобойщиков? Нет, нет Стоп.

Я отогнала картинку, но тело уже отреагировало. Соски под форменной рубашкой и пуховиком затвердели так, что стало больно, и я машинально скрестила руки на груди, пытаясь унять дрожь.

Доела машинально, мысли путались. Мужики уехали, но слова их застряли в голове занозой и пустили корни глубоко в подкорку.

Вернувшись в свою промозглую комнату на Василеостровской, я долго сидела на диване, глядя в запотевшее окно. Сосед за стеной храпел так, что дребезжали стёкла в старых рамах.

Я разделась, натянула старую футболку и легла.

Но сон не шёл.

Я снова и снова прокручивала в голове услышанное. Рука сама скользнула под одеяло, под резинку шорт. Пальцы коснулись клитора — он был уже набухшим, чувствительным, горячим. Я закрыла глаза и позволила фантазии развернуться во всей красе.

Представила, что я в том самом баре. На мне короткое

чёрное платье, которое я видела в витрине на Невском, но не могла купить — двадцать тысяч, почти вся моя зарплата. Представляю на себе ещё высокие каблуки, чулки с поясом, бельё кружевное. Подхожу к стойке, заказываю мартини. Рядом садится он — тот лысоватый из разговора. Или нет. Лучше другой. Молодой, красивый, в дорогом костюме. С волевым подбородком, тёмными глазами, как у Валентина Викторовича, только без этой ледяной отстранённости.

Он смотрит на меня с откровенным желанием, раздевает глазами. Его рука ложится мне на колено, ползёт выше по бедру, задирая подол.

— Поехали ко мне, — шепчет он хрипло.

Мы в его машине. Кожаный салон пахнет дорого. Он целует меня жадно, влажно, кусает губы до крови. Я чувствую его нетерпение через плотную ткань брюк — жар, тяжесть, силу. Спускаюсь ниже, расстёгиваю ширинку. Он стонет, запуская пальцы в мои волосы, и я позволяю ему вести, чувствуя, как в горле становится тесно от напряжения, а на глазах выступают слёзы, но мне нравится эта его дрожь, его сорванное дыхание, моя власть над ним.

— Чёрт, какая же ты... — выдыхает он, откидывая голову на подголовник.

Потом он перекидывает меня через сиденье, и я чувствую, как холодный воздух касается разгорячённой кожи, как его дыхание обжигает спину. А когда он входит — резко, до конца, — мир схлопывается до одной точки: острого, по-

чти болезненного чувства наполненности. Он двигается во мне, жёстко и ритмично, одной рукой сжимая меня до дрожи, другой придерживая за бёдра, заставляя выгибаться навстречу каждому толчку.

Мои пальцы тем временем жадно скользят по телу, надавливая в ритме с его воображаемыми движениями, входя внутрь, — я чувствую, как мышцы сжимаются вокруг них в такт пульсу, как низ живота наливается тяжестью, предвещающая разрядку. Я представляю его финал, его горячее дыхание у моего уха, его хриплый стон.

— Да, ещё, ещё, — мычу я, уткнувшись лицом в кожаное сиденье, подаваясь назад навстречу, ловя каждый толчок.

Пока я красочно фантазировала об этом, мои пальцы тем временем уже вовсю работали. Я кусала подушку, чтобы не застонать в голос — стены тонкие, все услышат. В голове мелькали обрывки: купюры, его руки на моей талии, мои соки, текущие по бёдрам. Я представила, как он кончает в меня, как горячая волна разливается внутри толчками, вытекает, капает на сиденье. А потом он достаёт пачку купюр и небрежно бросает её на сиденье рядом с моим лицом.

Волна накрыла меня с головой, выгнула дугой. Я зажмурилась, прижимая ладонь к промежности, чувствуя, как мышцы сокращаются в сладких судорогах, как сладкая дрожь пульсирует внизу живота. Несколько секунд лежала так, тяжело дыша, приходя в себя.

Потом я открыла глаза. Темнота, запах сырости, храп со-

седа, мышиный шорох за плинтусом.

Я не такая.

Но рука всё ещё была влажной от моего собственного возбуждения из-за этих мыслей.

Я встала, вытерла пальцы о футболку, на ватных ногах еле дошла до стола, взяла телефон. Пальцы слегка дрожали, когда я забила в поиск: «*Бар Джин СПб*».

Сначала ничего. Потом — единственная ссылка. Сайт-одностраничник. Минималистичный, на тёмном фоне — изображение бутылки джина, переливающейся неоном. Никаких фотографий девушек. Никаких пошлых обещаний. Только адрес в центре города — набережная Фонтанки, почти у Летнего сада, в тихом переулке — и надпись витиеватым шрифтом:

«Джин исполняет все твои желания».

Я сглотнула. Закрыла сайт. Выключила телефон.

Нет, я не такая. Я медсестра. Я приличная девушка из неблагополучной семьи, которая вырвалась, выучилась и работает.

Но пятьдесят тысяч...

Пятьдесят тысяч — это пять месяцев аренды. Это новые зимние сапоги, наконец, вместо этих вечно мокрых промокашек, в которых ноги мерзнут. Это возможность поесть нормально, купить разные фрукты и овощи, а не гречку на месяц вперёд.

Я закрыла глаза. В голове было пусто. И пустота эта пу-

гала.

Но мысль о баре «Джин» уже пустила свои корни. И между ног, несмотря на только что пережитый оргазм, снова приятно заныло.

Глава 2

Я поплотнее запахнула пуховик, выходя на промозглую улицу. Март здесь — это даже не весна, а затяжная агония зимы: мокрый снег пополам с дождём.

Город гудел где-то на периферии сознания — далекие гудки машин, обрывки пьяного смеха, лязг трамвая на повороте. Но сейчас, когда я стояла перед адресом, который вызубрила наизусть с того самого сайта, всё остальное просто перестало существовать.

Над входом мерцала неоновая бабочка, отбрасывая лиловый свет на мокрый асфальт. Бар «Джин» прятался в тихом переулке на Фонтанке, почти растворяясь между двумя доходными домами дореволюционной постройки. Вход обозначала лишь гладкая чёрная дверь без единого окна, обитая дорогой кожей. Ни намёка на музыку, ни голосов — только аура закрытости и богатства, от которой у меня скрутило живот.

Пальцы дрогнули, когда я потянулась к массивной латунной ручке.

Это ошибка.

Просто обязана быть ошибкой.

И всё равно я стояла здесь.

В кармане завибрировал телефон.

СМС от Галины Ивановны: *«Сонька, ты где? Резерфорд»*

опять обход устраивает. Чтоб ему пусто было».

Я выключила звук, даже не ответив. Сейчас были проблемы поважнее.

Я закрыла глаза, резко вдохнула сырой воздух — и шагнула внутрь.

Дверь за спиной мягко щёлкнула, отсекая внешний мир. Воздух внутри оказался плотным, тёплым, пропитанным жасмином и чем-то пряным, запретным. Дорогие духи, хороший табак, выдержанный алкоголь. Приглушённый свет заливал пространство тёплым янтарём, играл тенями на бархатных стенах цвета бордо. Где-то на фоне едва слышно играла музыка — медленная, тягучая, чувственная, но в зале царила тишина.

Я ожидала увидеть столики, публику, дым коромыслом. Вместо этого попала в приёмную какого-то богатого особняка.

В дальнем конце комнаты за гладкой стойкой ресепшен сидела девушка. Алое сатиновое платье облегалo её тело, глубокий вырез открывал ровно столько, чтобы приковать взгляд, но не выглядеть вульгарно. Светлые волосы тяжелой волной струились по плечу, а губы — того же оттенка, что и платье — тронула медленная, понимающая улыбка.

Я сглотнула, внезапно остро осознав, насколько чужеродно здесь смотрюсь в своей вязаной кофте и стоптанных ботинках, которые промокли ещё на подходе.

— Заблудилась, милая? — голос девушки был бархатным,

уверенным.

Я вжала голову в плечи. Последний шанс развернуться, уйти, сделать вид, что меня здесь никогда не было. Вернуться в свою коммуналку с тараканами и храпящим соседом, к гречке и бесконечным сменам.

Но потом я вспомнила пустой кошелёк. Неоплаченные квитки. Долг, который рос как снежный ком. Бесконечные смены, выматывающие до остатка, оставляющие лишь жалкое существование на грани выживания.

Я подняла подбородок, заставив себя встретить её взгляд.
— Я по поводу работы.

Девушка изогнула идеальную бровь, губы дрогнули в заинтригованной улыбке. Она не заговорила сразу — просто позволила взгляду задержаться, медленному, обдуманному, вбирающему каждую деталь. Мои широкие, испуганные глаза. То, как я судорожно сжимала лямку потрёпанной сумки.

Потом ленивым, грациозным движением пальца она поманила:

— Подойди ближе.

Дыхание перехватило.

Секунду я колебалась. Но потом заставила ноги двигаться, сокращая расстояние, пока не оказалась в шаге от стойки.

Девушка чуть подалась вперёд. Её духи пьянили — сладкие, чувственные, с опасной ноткой мускуса. Взгляд остановился на моих губах, потом скользнул ниже, ощупывая, оценивая, будто я была товаром на витрине.

— Повернись, — промурлыкала она. — Дай посмотреть на тебя.

Я напряглась, инстинктивно сжавшись:

— Зачем?

Она тихо рассмеялась, словно ей нравилось моё сопротивление.

— Затем, что я должна понять, твоё ли это место.

Я замялась. Потом медленно повернулась вокруг своей оси, чувствуя себя манекеном в магазине. Жар стыда пополз по шее под её изучающим взглядом. Я чувствовала себя раздетой, оценённой по косточкам — грудь, талия, бёдра. Всё, что обычно скрывала бесформенная одежда, сейчас словно просвечивало насквозь.

Девушка одобрительно хмыкнула, постучала ухоженным ногтем, покрытым алым лаком, по стойке и потянулась к телефону рядом.

Нажала одну кнопку, поднесла к уху, не сводя с меня глаз:

— Пришли кого-нибудь на вход. У нас тут новенькая.

В животе всё стянуло в тугий узел.

Новенькая?

Я не успела спросить, что это значит — девушка положила трубку и подняла на меня глаза, медленная, обещающая улыбка тронула её губы.

— Жди здесь, милая, — сказала она. — Я сейчас приду.

Через минуту из неприметной двери в глубине появился мужчина в чёрной рубашке и брюках со стрелками. Ли-

цо ничего не выражало — вышколенная прислуга, осанка — сплошная сталь.

— За мной, — бросил он коротко, даже не взглянув на меня.

Я сглотнула, но послушалась, поплелась за ним по тускло освещённому коридору, устланному мягким ковром.

В воздухе всё так же пахло жасмином. Ковёр гасил наши шаги, добавляя тишине жутковатой интимности. Из-за одной двери донесся приглушённый женский смех и мужской стон. От этого у меня мурашки побежали по коже.

В конце коридора охранник остановился у двери, толкнул её и жестом пригласил войти.

Внутри комната оказалась изящно обставлена: тяжёлые портьеры на окнах, глубокие бархатные диваны, приглушённый золотистый свет от бра.

Женщина в бордовом костюме сидела на диване, лениво потягивая что-то из тяжёлого хрустального бокала. Брюки идеально сидели на стройных ногах, пиджак был расстёгнут, открывая простую белую рубашку. Короткая стрижка, острый взгляд, волевой подбородок. Когда я вошла, она даже не пошевелилась — только перевела на меня глаза, тёмные, подчеркнутые карандашом. В этом взгляде не было ни капли женской мягкости — только оценивающая, спокойная власть.

Я застыла у порога, сжимая лямку сумки до онемения пальцев.

Женщина медленно поставила бокал на стол. Поднялась, и я невольно сделала шаг назад. В ней чувствовалась такая внутренняя сила, какой позавидовал бы любой мужчина.

Она подошла ко мне вплотную. Слишком близко. Я смотрела в её глаза и видела в них хищника, который знает, что жертва никуда не денется.

— Имя?

— Соня, — выдохнула я, чувствуя, как пересохло в горле.

Она чуть склонила голову, изучая моё лицо.

— Садись.

Она указала на диван и, не оборачиваясь, вернулась на своё место. Я опустилась на самый край, вцепившись в сумку. Женщина напротив снова взяла бокал, но не пила — просто держала в пальцах, рассматривая меня сквозь тёмно-рубиновую жидкость.

— Что привело тебя сюда, Соня? — спросила она тем же ровным тоном.

— Мне нужны деньги, — ответила я, даже не пытаюсь врать. С ней было бы бесполезно.

Она усмехнулась — коротко, без тени веселья.

— Честно. Хорошо. На что нужны?

Я сглотнула. Под её взглядом хотелось не говорить, а докладывать.

— Долг за учёбу. Квартплата. Жить не на что. Я медсестра, получаю двадцать пять.

Она слушала, не перебивая. Когда я замолчала, в комна-

те повисла тишина. Брюнетка рассматривала меня — не как женщина рассматривает другую женщину, а как смотрят на товар, который предстоит купить. Проверяют, не сломается ли в работе.

— Сколько должна? — спросила она наконец.

— Сто двадцать тысяч.

Она хмыкнула. Для неё это, наверное, были копейки.

— Раздевайся, — сказала она так же буднично, как попросила бы показать зубы, покупая лошадь.

У меня оборвалось дыхание.

— Ч-что?

Она даже бровью не повела.

— Я должна знать, кого беру. Раздевайся. Полностью.

Я вцепилась в сумку так, что побелели костяшки. Она не шутила. В её глазах не было ни капли интереса к моему телу — только деловая необходимость. Как у товароведа на складе.

Я поднялась. Руки не слушались, когда я стягивала через голову свитер. Положила его на кресло. Расстегнула джинсы, стащила их вместе с колготками. Осталась лишь в черном лифчике и трусах.

Брюнетка молчала. Просто смотрела.

Я заставила себя расстегнуть лифчик, позволить ему упасть. Потом, сжав зубы, стянула трусы.

Я стояла перед ней голая, чувствуя, как по коже бегут мурашки, как кровь приливает к щекам. Она поднялась, подо-

шла ближе. Медленно обошла вокруг, и я слышала, как под её ботинками поскрипывает паркет. Взгляд скользил по моей спине, ягодицам, бёдрам — спокойный, профессиональный, безразличный.

— Опустит руки, — приказала она, когда я инстинктивно прикрылась при её приближении.

Я послушалась, чувствуя, как горит лицо.

Она снова оказалась передо мной. Протянула руку — я зазмурилась, ожидая прикосновения, но она лишь взяла мой подбородок, повернула лицо влево и вправо.

— Ровные зубы, — прокомментировала она будто сама с собой. — Хорошая кожа.

Она чуть отступила, окинула взглядом мою грудь.

— Грудь настоящая? — спросила она, и я поняла, что если бы она захотела проверить руками, она бы сделала это не спрашивая. Но ей, к счастью, было достаточно глаз.

— Да, — выдавила я.

— Повернись. Спиной.

Я повернулась, чувствуя, как её взгляд ощупывает мои лопатки, позвоночник, ягодицы.

— Наклонись. Достань руками пола, не сгибая колени.

Я наклонилась, чувствуя, как кровь приливает к голове. Пальцы коснулись паркета. Я замерла в этом положении, понимая, что она видит сейчас всё.

— Встань.

Я выпрямилась, тяжело дыша. Сердце заколотилось от ра-

дости, что мои унижения вот-вот должны кончиться. Внизу живота заныло — то ли от унижения, то ли от странного, незнакомого возбуждения, которое вызывала её абсолютная власть надо мной.

— Ляг на диван. На спину.

Я подчинилась, легла на холодный бархат, чувствуя, как ткань касается разгорячённой кожи.

— Раздвинь ноги.

Я раздвинула, чувствуя себя подопытным кроликом. Воздух коснулся разгорячённой кожи там, где она была особенно чувствительна, и я поежилась.

Она подошла, встала между моих раздвинутых ног, глядя сверху вниз. Её глаза скользнули по моему животу, по вздымающейся груди — и снова вернулись к лицу.

— Возбуждена, — констатировала она, ухмыльнувшись. — Хорошо. Реакция на доминирование — это то, что можно продать.

Она отошла, села в кресло напротив, закинув ногу на ногу. Достала из кармана пиджака тонкую сигарету, прикурила от зажигалки «Zippo». Щелчок крышки прозвучал эхом у меня в ушах.

— Встань.

Я встала, чувствуя, как тело отзывается на его взгляд влажным жаром. Она следила за каждым моим движением.

— Теперь сядь. Одеваться пока не надо.

Я опустилась на диван, голышом, сжимая колени. Она вы-

пустила струю дыма в сторону, не сводя с меня глаз.

— Меня зовут Рита. Я здесь всем заправляю. Ты пришла продавать себя — я должна знать, что покупаю. Тело у тебя нормальное, не фабричное, мужчинам нравится такое, живое. Реакция на жёсткость есть — значит, не переломишься при первой же неприятности.

Она затаилась, и я ждала, боясь пошевелиться.

— Вопрос в другом, — продолжила Рита. — Просто лечь и раздвинуть ноги может любая дура с вокзала. Мои клиенты платят не за это. Они платят за то, чтобы ты стала их самой сокровенной фантазией. На сколько далеко ты готова зайти?

Я сглотнула.

— Я не знаю... — голос сел. — Но я готова учиться. Ради денег.

Рита усмехнулась — на этот раз в усмешке мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ладно. — Она поднялась, подошла к столу, взяла папку. — Контракт. Конфиденциальность, штрафы за нарушения, твоя доля — пятьдесят процентов. Минимальная ставка за ночь — пятьдесят тысяч. Дальше — от сложности заказа. Бывает и двести, и триста.

У меня перехватило дыхание. Двести тысяч Всего за одну ночь. Это что надо делать?

— Завтра в шесть вечера приедешь сюда же, подпишем контракт, начнём обучение. — Она протянула мне визитку. Только имя и телефон.

Я взяла, сжимая картонный прямоугольник в мокрой ладони.

— А если я не справлюсь? — спросила я тихо.

Рита посмотрела на меня долгим взглядом, потом усмехнулась, вздернув бровь.

— Справишься. Такие, как ты, приезжие, голодные, с долгами, всегда справляются. Голод — лучший учитель.

Она открыла дверь и, не оборачиваясь, бросила:

— Одевайся и иди. Завтра не опаздывай.

Я натянула одежду дрожащими руками, чувствуя на себе её взгляд — равнодушный, хозяйский.

В коридоре меня уже ждал охранник.

Когда холодный питерский воздух ударил в лицо, я глубоко вдохнула, пытаясь прийти в себя. В ушах стоял её властный голос, перед глазами — её темные глаза.

Я шла к метро, сжимая в кармане визитку. Она даже не прикоснулась ко мне. Но я чувствовала себя использованной до предела.

И в глубине души, там, где жила та самая Соня из Сибири, которая хотела просто помогать людям, зажглась тёмная, пугающая искра.

Я хотела этих перемен. Хватит с меня бедности.

Глава 3

Рита откинулась на мягкий бархат дивана, закинув ногу на ногу. В тусклом золотистом свете её глаза казались почти чёрными — тёмно-серыми, как небо перед штормом. Она машинально провела пальцем по краю бокала, и я заметила татуировки из-под завернутых рукавов, что покрывали её руки до самых запястий. Тонкие узлы, переплетения линий, странные символы — не пентаграммы, нет, что-то другое. Таких я ещё не видела. Они извивались при каждом её движении, будто жили своей жизнью.

— Итак, скажи мне, Соня, — голос её обволакивал, тягучий, как тот ликёр, что она пила. — Ты хочешь стать тем, чего желает мужчина? Хочешь хорошо зарабатывать на них, взять контроль и иметь их у своих ног?

Я сглотнула, пальцы судорожно сжались на коленях. Вес вопроса давил на грудь, мешая дышать.

— Или, — продолжила Рита, и в голосе появилась хитрая нотка, — ты можешь уйти прямо сейчас. Без обид, без давления. Дверь открыта.

Это был момент. Момент решить — шагнуть глубже в этот мир или развернуться и сделать вид, что меня здесь никогда не было. Вернуться в свою промозглую коммуналку, к храпу соседа, к вечно мокрым ботинкам и гречке на ужин.

Я закрыла глаза на мгновение, глубоко вдыхая.

Всё. Точка невозврата.

Страх, сомнения, колебания — они все терзали меня, но под ними было что-то сильнее. Тихая, несгибаемая решимость.

Когда я открыла глаза, в них не осталось и следа от неуверенности.

— Я остаюсь, — твёрдо сказала я. — Я хочу много зарабатывать.

Секунду Рита просто смотрела на меня, её губы, окрашенные тёмной помадой, тронуло нечто нечитаемое. Потом она медленно улыбнулась — заинтригованно.

— Хорошо, — выдохнула она, и в голосе плеснулось довольство. — Мне нравятся женщины, которые знают, чего хотят.

Она подалась вперёд, оперлась локтем о колено, изучая меня с обновлённым интересом. Татуировки на её запястьях переливались в свете — я разглядела стилизованное солнце, переплетённое с луной, и какие-то руны.

— Может, ты и правда сюда вступишь.

Она смотрела на меня мгновение, словно просчитывая что-то, прежде чем заговорить снова.

— Прежде чем ты начнёшь здесь работать, тебе нужно выучить пять правил, — голос гладкий, обдуманый. — Это место не про то, чтобы просто быть красивой. Это про то, чтобы знать, чего хочет мужчина, ещё до того, как он попросит.

Я сглотнула, но не отвела взгляда.

Рита чуть склонила голову, и в её тёмно-серых глазах мелькнул странный огонёк — не то любопытство, не то насмешка над моим смущением.

— Скажи мне, Соня... — она сделала паузу, позволяя тишине растянуться ровно настолько, чтобы мне стало неудобно. Потом с лёгкой ухмылкой спросила: — Ты девственница?

Дыхание перехватило. Я не ожидала такого прямого вопроса. Жар стыда пополз по шее, заливая щёки, но я заставила себя ответить:

— Да.

Рита приподняла идеально выщипанную бровь, в глазах мелькнул неподдельный интерес.

— Интересно, — протянула она, постукивая длинным ногтем, покрытым чёрным лаком, по подбородку. — Это меняет дело.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, что она имеет в виду:

— Почему?

Рита усмехнулась, покачав головой. В этом жесте было что-то снисходительное.

— Потому что есть мужчины, которые обожают первые разы, милая. Это их пунктик — обладать невинностью, быть первым. И если всё правильно разыграть, твой первый раз может стоить больше, чем ты можешь себе представить.

В животе всё скрутило в тугой узел. Я ожидала этого — я

не наивная девочка из провинции, которая верит в сказки, — но слышать это вслух, в этом роскошном кабинете, от этой красивой женщины с татуированными руками... это делало всё пугающе реальным.

Рита подалась вперёд, голос стал мягче, и от этой мягкости по коже побежали мурашки:

— Но сначала... тебя нужно обучить. Ты понимаешь?

Я помедлила лишь секунду, потом кивнула:

— Да.

Рита удовлетворённо улыбнулась.

— Тогда начнём.

Она откинулась на спинку дивана, рассматривая меня с ленивым интересом. Я чувствовала себя букашкой под микроскопом — беззащитной, полностью в её власти.

— Раз ты новенькая, и раз ты... особенная, — она позволила слову повиснуть в воздухе, и мне показалось, что татуировки на её руках чуть расплылись, — я буду обучать тебя лично.

Мои пальцы дёрнулись на коленях. Я не была уверена, хорошо это или плохо.

— Что это значит? — осторожно спросила я.

Рита тихо усмехнулась.

— Это значит, я научу тебя всему, что нужно знать — как говорить, как двигаться, как смотреть на мужчину так, чтобы он стал слабым. И самое главное — как заставить их платить.

Я сглотнула. Вес моего решения тяжелее лёг на плечи.

— Хорошо. Я готова.

Взгляд Риты задержался на мне мгновение на моих губах. Потом она встала — плавно, грациозно, как большая кошка.

— Посмотрим, — пробормотала она, направляясь к изящному деревянному шкафу в углу. Она открыла дверцу, и я увидела ряды бутылок — хрусталь, тёмное стекло, золотые этикетки. Она достала одну, с прозрачной золотистой жидкостью, и две маленькие рюмки на тонких ножках.

Разлила, повернулась ко мне. В этом движении рукав её пиджака сполз, и я увидела на внутренней стороне запястья узор — переплетённые змеи, образующие бесконечный круг.

— Урок первый, — она протянула мне рюмку, и я взяла её, чувствуя прохладу хрусталя кончиками пальцев. — Уверенность идёт изнутри. Пей.

Я неуверенно поднесла рюмку к губам — запах ударил в нос, резкий, сладковатый, с травяными нотками. Рита подняла свою в безмолвном тосте, не сводя с меня глаз, и сделала глоток.

Я последовала её примеру. Обжигающая жидкость скользнула в горло, оставляя за собой шлейф тепла. Ликёр растёкся по пищеводу, и я уже чувствовала, как тепло разливается по телу, притупляя запреты, расслабляя мышцы.

Рита усмехнулась, довольно, по-хозяйски:

— Умница, — поставила рюмку на столик. — А теперь начнём.

Она хлопнула в ладоши — резкий звук, от которого я

вздогнула.

— Эрик!

Тот самый охранник, который привёл меня в кабинет, материализовался в дверях. Высокий, широкоплечий, смуглый, с чёрными глазами, в которых не читалось ничего. Он стоял, сложив руки за спиной, и его взгляд скользнул по моему телу — медленно, от лица к груди, к животу, к бёдрам.

На мгновение меня накрыло волной стеснения. Но Рита тут же щёлкнула пальцами перед моим лицом.

— Правило второе, — наставительно произнесла она, погрозив пальцем с длинным чёрным ногтем. — Всегда будь уверена в своём теле. Они приходят касаться тебя, смотреть на тебя, быть в твоём присутствии. Если будешь стесняться, сжиматься, прятаться... они сожрут тебя заживо. Ты станешь не охотницей, а добычей.

Я глубоко вздохнула, заставляя себя расправить плечи, выпрямить спину. Медленно, с усилием, я разжала руки, положила их на колени ладонями вверх — открытая, доступная. Встретила взгляд Эрика в упор. Он ухмыльнулся.

Я не отводила взгляда. Я позволяла ему смотреть.

— Умница, — промурлыкала Рита и повернулась к Эрику, поманив его пальцем. — А ты садись на диван.

Охранник подчинился мгновенно. Опустился на тот самый диван, где только что сидела Рита, развалился на бархатных подушках, не сводя с нас глаз. Его руки лежали на подлокотниках, ноги широко расставлены — поза хозяина,

ожидающего развлечения.

Рита плавно подошла к нему, сбрасывая каблуки на ходу. Босые ступни бесшумно ступали по толстому ковру. Она остановилась перед ним, грациозно подняла ногу и поставила ступню ему на грудь, слегка надавила. Эрик откинул голову, подставляясь, позволяя.

— Видишь? — голос Риты стал низким, чувственным. — Им просто хочется, чтобы ими управляли. Хочется, чтобы их использовала сильная, властная женщина. Это глубже, чем секс, Соня. Это власть.

Она убрала ногу и поманила меня:

— Давай, попробуй.

Я подошла на ватных ногах. Остановилась перед Эриком, подняла ногу, поставила ступню ему на грудь. Почувствовала жар его кожи, ритмичные удары сердца под подошвой. Его глаза горели похотью, впитывая каждый сантиметр моего тела.

Рита неожиданно прижалась к моей спине сзади, её руки обхватили мою талию.

— Ох, детка, ты чертовски хороша, — выдохнула она, скользнув руками под мой свитер. — Не стесняйся. Будь смелой.

Я ахнула, выгибаясь в её руках, подаваясь грудью вперёд. Боль от щипка смешалась с возбуждением, разливаясь горячей волной внизу живота. Я сильнее надавила ногой на грудь Эрика, чувствуя твёрдое сопротивление его мышц, его мощь,

его силу, запертую под моей ступнёй.

И осознание, что я властвую над ними — над этим огромным мужчиной, над его желанием, над его телом, — было прекрасным.

Я контролировала. И это пьянило сильнее ликёра.

— Нравится это чувство? — голос Риты — шёлковый шёпот в самое ухо, соблазнительное обещание, замешанное на чём-то тёмном. — Здесь ты будешь чувствовать это постоянно, Соня. Будешь паинькой — станешь моей особенной девочкой.

Внезапно Рита убрала руки и резко толкнула меня в спину.

Я потеряла равновесие и полетела вперёд, прямо на колени к Эрику.

Приземлилась неловко, ударившись коленями о диван, ткнувшись лицом ему в грудь. На мгновение потеряла ориентацию, запаниковала.

— Уложи её, — властно приказала Рита.

Эрик, не колеблясь ни секунды, схватил меня за плечи и толкнул на спину, заломив мои руки над головой. Я оказалась распластана на бархатных подушках, полностью открытая, беззащитная. Он нависал надо мной, тяжёлый, горячий, с тёмной похотью в глазах.

Смена власти была резкой, шокирующей, унижительной. Ещё секунду назад я была королевой, попирающей его грудь, а теперь он держал меня, пришпилив к дивану, как бабочку

к пробковой доске.

Я перевела взгляд на Риту, ища ответ, объяснение. В моих глазах застыл немой вопрос — зачем?

Рита присела на корточки рядом с диваном, хищно приблизив своё лицо к моему. В её тёмно-серых глазах горел торжествующий блеск.

— Правило четвёртое, — промурлыкала она. — Если мужчина так хочет контролировать тебя — уступи ему. Не борись, не пытайся перехватить инициативу. Отдайся его желанию, стань его фантазией. Это тоже контроль. Но такой, о котором они не догадываются. В этом твоя сила, Соня. Позволяя им брать, ты даёшь им то, за что они готовы платить. Много платить.

Тонкого жеста её головы хватило Эрику за инструкцию. Он подался вперёд, резко задирая мой свитер. Я почувствовала его горячее дыхание на коже, и соски затвердели ещё сильнее, набухли, требуя прикосновения.

Он припал губами к груди — не нежно, не ласково, а с яростной интенсивностью, втягивая, сминая. Я закусила губу, сдерживая вскрик.

Но это было только начало.

Он оторвался от моей груди и вдруг укусил — сильно, до острой вспышки боли.

Острая, жгучая боль пронзила меня. Я вскрикнула, выгибаясь под ним, дёрнувшись, пытаюсь вырваться. Но его хватка на моих руках только усилилась.

— Тш-ш-ш, — прошептала Рита, поглаживая меня по щеке тыльной стороной ладони. — Терпи. Это часть обучения.

Сквозь пелену боли я посмотрела на неё. Мои глаза, влажные от выступивших слёз, встретились с её тёмно-серыми, горящими странным, будто нечеловеческим огнём.

И в этот момент мир вокруг словно растворился. Звуки стихли до глухого гула где-то на периферии — дыхание Эрика, биение моего сердца, отдалённый шум города за стенами. Текстуры смазались по краям — бархат дивана под спиной, грубая ткань рубашки Эрика, касающаяся моей груди. Единственной точкой ясности была обжигающая интенсивность нашей с Ритой связанной взглядом нити.

В её глазах я видела что-то такое, от чего кровь стыла в жилах и одновременно закипала внизу живота. Что-то древнее, бездонное, пугающее. Истинная власть? Доминирование по природе?

Мне вдруг показалось, что татуировки на её руках зашевелились, заструились, как живые змеи.

Рита, подпитываемая почти осязаемой энергией, витавшей в комнате, подалась ближе. Её лицо оказалось в сантиметре от моего. Дыхание коснулось моих губ — тёплое, с лёгким привкусом ликёра и табака.

— Умничка. А ты быстро учишься.

Эрик сжал мою грудь и мои бёдра непроизвольно дёрнулись, прижимаясь к нему, ища трения, облегчения той пульсирующей пустоты, что разрывала меня изнутри.

— Стоп! — приказала Рита Эрику, вскинув подбородок.

— Отпусти её.

Охранник мгновенно разжал хватку, отстранился от моей груди. Я осталась лежать неподвижно, распластанная на диване, тяжело дыша, чувствуя, как пульсирует искусанная грудь, как жар разливается по телу, отдаваясь влажной дрожью внизу живота.

Рита повернулась к Эрику, и её тон стал холодным, пренебрежительным:

— Пошёл вон.

Эрик поднялся, даже не взглянув на меня, и бесшумно исчез за дверью.

Мы остались одни.

Я лежала, тело полностью открытое, расслабленное после вспышки возбуждения, всё ещё дрожащее. Мы с Ритой остались в нашей безмолвной битве воль, глаза всё ещё соединены, изучают, оценивают.

— Последнее и самое важное правило, — наконец заговорила Рита, голос низкий, лишённый эмоций: — Ни при каких обстоятельствах... не влюбляйся.

ОТ АВТОРА: Если вам нравится история, ставьте звёздочки и подписывайтесь, чтобы не пропустить новинки. Ваша поддержка очень вдохновляет писать дальше!

Глава 4

В ту ночь, когда Рита взяла меня под своё крыло, она сразу расставила всё по местам.

— Если хочешь выжить в этом мире, сначала нужно пройти обучение, — сказала она, закурив. — Я не бросаю своих девочек в глубокий омут, пока они не научатся плавать. Утонешь — мне убытки, репутация под удар. Так что слушайся и делай, что говорю.

Я кивнула, не позволяя себе колебаться.

— Завтра будь здесь в восемь вечера, — распорядилась Рита. — И ещё кое-что — никаких сомнений. Засомневаешься — проиграешь. Мужчины чувствуют неуверенность за версту, как акулы кровь.

В ту ночь я ушла из бара «Джин» одновременно испуганная и полная какой-то дикой, пьянящей решимости. Это был мой шанс. Единственный. И я не собиралась его упускать.

На следующий день я отказалась от лишних смен в больнице — Галина Ивановна аж поперхнулась чаем, когда я сказала, что не смогу остаться.

— Сонька, ты что, заболела? — спросила она, щупая мой лоб. — Ты же никогда от смен не отказывалась.

— Всё нормально, — ответила я, улыбнувшись. — Просто... появились кое-какие дела.

Она посмотрела на меня с подозрением, но промолчала.

Я закончила работу пораньше — впервые за два года ушла ровно в четыре, не задерживаясь на дополнительные часы, — и сразу поехала на Фонтанку.

Первый урок оказался совсем не таким, как я ожидала.

Рита заставила меня встать перед огромным зеркалом в полный рост, а на полу передо мной стояли высоченные шпильки — сантиметров двенадцать, не меньше. Лаковые, чёрные, с тонкими ремешками, они выглядели как орудие пытки.

— Надевай, — приказала она, скрестив руки на груди.

Я колебалась лишь полсекунды, прежде чем втиснуть ноги в изящные туфли. В тот момент, когда я встала, равновесие пошатнулось, и я схватилась за спинку стула.

— Иди, — скомандовала Рита.

Я сделала шаг и чуть не упала, лодыжка подвернулась, острая боль пронзила ногу.

Рита цокнула языком.

— Ещё раз.

Я пробовала снова. И снова. Каждый неверный шаг, каждое дрожащее движение встречалось резким замечанием наставницы. Она не повышала голос, но в её ровном тоне было больше уничтожающей силы, чем в любом крике.

— Ты красивая, Соня, — произнесла она, подходя ближе и поправляя мою осанку, разворачивая плечи. — Но мужчины платят не просто за красоту. Красивых много, они уже на каждом углу, спасибо современной хирургии. Но клиенты

здесь платят не за красоту. Они платят за власть, за присутствие. За то, чтобы женщина вошла в комнату и весь воздух стал принадлежать лишь ей. Иди так, будто владеешь миром, а не просишь разрешения в нём существовать.

Я сглотнула, выпрямила спину, представила, что я — хозяйка этого клуба, этого здания, этого города.

Шаг. Ещё шаг.

К концу ночи я уже могла пересечь комнату, не спотыкаясь. Ноги гудели, стёртые в кровь пятки саднили, но я держалась. Не идеально, но прогресс был очевиден.

Перед уходом Рита протянула мне конверт.

— За твоё время, — просто сказала она.

Пальцы сжались на деньгах. Там было десять тысяч — больше, чем я зарабатывала за неделю в больнице.

— Завтра приходи, — бросила она, даже не обернувшись.

— В то же время.

Я кивнула её спине и вышла в ночной Питер, сжимая в кармане пуховика драгоценный конверт.

На следующий день, войдя в тренировочную комнату, я застала Риту, элегантно сидящую на золотистом пуфе, и Эрика — того самого охранника из бара — стоящего у дивана.

— Эрик, — оживилась Рита, кивнув ему. — Сегодня Соня будет тренироваться с тобой.

Я нахмурилась:

— Тренироваться?

Рита усмехнулась, и в этой усмешке мелькнуло что-то хищное.

— Одно лишь присутствие женщины может свести мужчину с ума — если она знает, как это использовать. — Она кивнула в сторону Эрика. — Он, конечно, не клиент. Но он поможет тебе научиться чувствовать своё тело и его реакцию.

Эрик откинулся назад на диване, скрестив руки на груди, лицо оставалось непроницаемым, но в глазах уже горел голодный вызов.

— Начни с прикосновений, — инструктировала Рита, вставая и подходя ко мне. — Лёгких. Медленных. Как будто ты изучаешь его, но не даёшь ничего взамен. Контролируй пространство между вами. Дистанцию. Воздух.

Я шагнула ближе к Эрику. Подняла руки и положила ладони ему на плечи. Мышцы под пальцами были твёрдыми, каменными.

— Смотри ему в глаза, — голос Риты прозвучал откуда-то сбоку. — Держи взгляд. Не отводи. Пусть чувствует, что он — единственный мужчина в этой комнате. Что всё твоё внимание принадлежит ему.

Я подчинилась, встретив взгляд Эрика. Сначала это казалось странным, неестественным — смотреть так в глаза почти незнакомому мужчине. Но я заставила себя оставаться неподвижной, не отводить взгляда.

Выражение лица Эрика оставалось нейтральным, но я за-

метила, как дрогнули его зрачки, как участилось дыхание. Рита, стоящая рядом кивнула.

— Уже лучше. Теперь проведи пальцами вниз по его груди. Медленно. Очень медленно. Пусть каждое движение будет осознанным, пусть он чувствует каждый миллиметр движения.

Мои руки двинулись вниз — сначала неуверенно. Но к третьей попытке, когда Рита заставила меня повторить это снова и снова, я уже чувствовала, как напряжение тает. Пальцы скользили по его ключице, по рельефным мышцам груди, задерживаясь на мгновение, дразня, обещая.

Эрик шумно выдохнул, и я увидела, как дёрнулась ткань его брюк в паху.

Рита улыбнулась довольно, по-кошачьи.

— Учишься.

К концу ночи нервы улеглись окончательно. Я больше не стояла перед мужчиной, боясь пошевелиться — я управляла моментом. Я чувствовала его желание, его реакцию на меня, и это пьянило сильнее любого алкоголя.

Рита вручила мне очередной конверт:

— На аренду, на еду — на что нужно, — сказала она. В конверте было тридцать тысяч.

Я посмотрела на неё огромными глазами. Дар речи пропал на мгновение.

— Так много? Ты не обязана...

Выражение лица наставницы смягчилось, всего на миг, но

я успела заметить.

— Обязана. Потому что я вижу в тебе потенциал, Соня. И потому что голодная, затравленная девочка не сможет работать так, как нужно. Ты должна быть спокойна за базовые вещи. Это моя инвестиция.

Я прижала конверт к груди, едва сдерживая улыбку.

ВАЛЕНТИН

Валентин Викторович всегда замечал Соню.

С самого первого дня, как она появилась в отделении, в ней было что-то, что приковывало его взгляд. Может, её отчаянная решимость, то, как она вкладывалась в работу, никогда не отказываясь от дополнительных смен, никогда не отступая перед трудностями. Может, то, как она держалась — сильная, но добрая, независимая, но вдруг становится такой уязвимой в те моменты, когда думала, что никто не видит. Когда застывала у окна в коридоре, глядя на серое питерское небо, и в её серых глазах плескалась такая тоска, что хотелось подойти и накрыть своей ладонью её руку.

Она ему нравилась. Больше, чем следовало.

Но он никогда этого не показывал.

Валентин Резерфорд был не из тех, кто смешивает эмоции с работой. Тринадцать лет в хирургии, бесконечные операции, ночные дежурства, спасённые и потерянные жизни — всё это выжгло в нём способность к спонтанным чувствам.

Он привык контролировать всё: свои руки во время операции, свои решения, свои эмоции.

А Соня Яблонева... она была так сосредоточена на выживании, на том, чтобы свести концы с концами, на том, чтобы просто продрасться сквозь изматывающую больничную обыденность, что Валентин знал — она даже не рассматривает его в этом ключе. Для неё он был просто «Валентин Викторович», заведующий, начальник, человек из другого мира. Так что он держал свои чувства запертыми там, где они не могли повлиять ни на одного из них.

Но теперь что-то изменилось. В ней, в Соне.

Она больше не брала лишние смены. Не задерживалась в больнице до полуночи, не выматывала себя работой до полного истощения. Вместо этого уходила вовремя, шаги её стали легче, взгляд... изменился.

Соня Яблонева, которую он знал, всегда была уставшей, всегда несла груз чего-то невидимого, неподъёмного для её хрупких плеч. Но эта Соня? Она казалась почти свободной. В ней появилась едва уловимая уверенность, тихий сдвиг в осанке, в повороте головы, который Валентин Викторович не мог игнорировать.

Он ловил себя на том, что провожает её взглядом, когда она проходила мимо его кабинета. На том, что ищет её глазами в коридоре. На том, что впервые за годы поймал себя на желании спросить её, в чём дело.

Но так и не спросил.

Потому что он слишком долго держал свои чувства в узде и не собирался позволять им вырваться сейчас.

Он просто наблюдал. И ждал.

СОНЯ

К третьей ночи я уже не спотыкалась на каблуках. Больше не колебалась, когда касалась руки Эрика или встречала его взгляд. Больше не краснела, когда он раздевал меня глазами — я сама раздевала его взглядом, и это было упоительно.

Я училась. Быстро. Жадно.

Рита пристально наблюдала, как я двигаюсь, как адаптируюсь, как принимаю каждое её замечание и становлюсь лучше. Сегодня она учила меня главному — контролю над ситуацией.

— Ложись на диван, — приказала она, и я подчинилась, вытянувшись на бархатной поверхности. — Эрик, сверху.

Он навис надо мной. На секунду мне стало страшно — слишком реально, слишком близко. Я чувствовала его запах — мужской пот, одеколон, возбуждение.

— Он может делать с тобой всё, что захочет, — спокойно произнесла Рита. — Но только если ты позволишь. Твоё тело — твой инструмент. Ты можешь дать, а можешь отказать. И мужчины должны знать, что отказ тоже возможен. Залог успеха нашего дела — чтобы все получили наслаждение от процесса.

Эрик склонился надо мной, его губы коснулись моей шеи. Я замерла, не зная, что делать.

— Соня, не отключайся, — вмешалась Рита. — Будь здесь. Чувствуй, но контролируй. Если захочешь остановить — просто скажи "нет". Он остановится сразу.

Эрик провёл языком по моей ключице, спускаясь ниже, к груди. Я чувствовала, как твердеют соски, как внизу живота теплеет, как тело само выгибается навстречу.

— Хорошо, — голос Риты донесся откуда-то издалека. — Ты хочешь этого?

Я сглотнула.

— Да.

— Тогда скажи ему.

— Я хочу этого, — повторила я громче, и Эрик тут же припал губами к моей груди, и я почувствовала его жадное, влажное тепло, от которого перехватило дыхание. Я застыла, выгибаясь, впиваясь пальцами в его плечи. Это было так... хорошо. Так правильно. Я хотела этого. Хотела чувствовать его рот на своей груди, его руки на своих бёдрах.

— А теперь скажи "нет", — приказала Рита.

Я замерла.

— Что?

— Скажи ему "нет". Проверь свою власть.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как Эрик продолжает ласкать мою грудь, как его пальцы скользят по моему животу, спускаясь всё ниже.

— Нет, — сказала я тихо.

Эрик не остановился.

— Громче, — голос Риты стал жёстче. — Ты должна быть уверена.

— Нет! — сказала я громче, и Эрик замер, отстранился, убрал руки.

Я лежала, тяжело дыша, чувствуя, как пульсирует грудь, как горит кожа. Но в груди разрасталось что-то новое, незнакомое — чувство силы. У меня никогда такого не было раньше.

Я остановила его. Одним словом.

Рита засунула руки в карманы, обводя взглядом комнату:

— Видишь? В этом твоя главная сила. Не в том, чтобы давать, а в том, чтобы выбирать — дать или отказать. Не все элитные клубы такие. Кто-то делает этот прекрасный бизнес грязным, насильственным. У нас здесь не так. Так что тебе повезло, что ты попала ко мне.

К концу ночи я чувствовала себя пьяной от этой новой власти. Мы повторили упражнение десятки раз — я разрешала, я запрещала, я училась чувствовать грань между контролем и уступкой.

Перед уходом Рита вручила мне конверт — пятнадцать тысяч — и сказала:

— Ты почти готова.

Я кивнула.

Я и правда была уже готова. Я это чувствовала.

На четвёртую ночь я стояла в тускло освещённой гримёрке бара «Джин», полностью обнажённая.

Воздух охлаждал кожу. Зеркало напротив отражало версию меня, к которой я только начинала привыкать — ту, что не отводит взгляда от собственного голого тела, ту, что учится контролировать не только себя, но и пространство вокруг.

Рита стояла рядом, скрестив руки на груди. По её взгляду было сложно понять, что у неё на уме.

— Ты уже не та девушка, что вошла сюда несколько дней назад, правда?

Я встретила её взгляд в зеркале.

— Нет.

Усмешка Риты стала глубже.

— Хорошо. А теперь давай оденем тебя как следует.

Она провела меня в другую комнату, заставленную вешалками с одеждой — если это вообще можно было так назвать. Каждая вещь была полупрозрачной, телесных оттенков, из нежнейших тканей, украшенных вышитыми бабочками. Тематика бара прослеживалась даже здесь — крылья, нежность, иллюзия доступности.

— Выбирай, — велела Рита.

Я провела пальцами по тканям. Шёлк, шифон, тончайшее кружево. Ни одна из этих вещей ничего по-настоящему не скрывала — кружево едва прикрывало кожу, прозрачные юбки откровенно намекали, оставляя простор для фантазии.

Руки остановились на нежно-розовом топе, почти про-

зрачном на груди. Я надела его. Дополнила его такой же розовой юбкой, едва доходящей до середины бедра.

Рита кивнула, окидывая меня взглядом профессионала.

— Мило, нежно — идеально для тебя. Это твой образ — невинность, которую можно купить.

Я снова повернулась к зеркалу. Русые волосы рассыпались по плечам, глаза блестели, губы припухли от покусывания. Наряд заставлял чувствовать себя обнажённой, беззащитной, но в то же время в нём была странная, пьянящая сила. Я видела своё тело — каждый изгиб, каждую линию, и впервые в жизни оно мне нравилось.

Рита встала позади, положив руки мне на плечи. В зеркале я видела нас двоих — её тёмную, татуированную, властную, и себя — светлую, нежную. Мы были такими разными.

— Уверенность не в том, что ты носишь, милая. А в том, как ты это носишь. Ты можешь быть голой, но если ты идёшь как королева — ты королева. А можешь быть в бриллиантах, но если сутулишься и боишься — ты фальшивка.

Я медленно выдохнула, расправила плечи, приподняла подбородок.

Я справлюсь.

— Пойдём, — сказала Рита, уводя меня из гримёрки. — Сегодня идём дальше.

— В частных комнатах мужчины занимаются с тобой сексом и платят за это, — голос Риты звучал буднично, пока мы шли по коридору. — Но об этом позже. Сначала ты

должна научиться работать в лаунж-зоне. Здесь, в зале, они платят просто за то, чтобы смотреть на тебя, говорить с тобой, чтобы ты сидела рядом и они чувствовали себя самыми важными людьми в мире. Это искусство, Соня. Им овладеть сложнее, чем просто раздвинуть ноги.

Я нервно сглотнула, пока мы подходили к тяжёлой портьере, отделяющей коридор от зала.

Рита отодвинула ткань, и я впервые увидела главный зал бара «Джин».

Это не было похоже ни на что, увиденное мной раньше — чувственное, сексуальное, но при этом безупречно элегантное. Стены тонули в мягких лиловых оттенках, освещённые хрустальными люстрами в форме нежных крыльев бабочек — каждая люстра казалась застывшей в полёте. Бархатные драпировки ниспадали с высокого потолка тяжёлыми волнами, мерцая в приглушённом золотом свете свечей на столиках. Каждая деталь шептала о роскоши — мягкие сиденья, зеркальные поверхности, отражающие изгибы женщин, движущихся по залу, их прозрачные ткани ловили свет, словно настоящие крылья.

В воздухе витал аромат дорогих духов, смешанный с насыщенным запахом выдержанного виски и тонких сигар. Девушки — одни в полупрозрачном шёлке, другие совсем обнажённые и удивительно раскованные — скользили по пространству с лёгкостью мотыльков, их каблуки тихо цокали по мраморному полу. Их смех был мягким, приглушённым,

взгляды — знающими, обещающими. Пальцы скользили по дорогим костюмам, тихие разговоры текли, словно валюта, переходящая из рук в руки.

Я почувствовала ладонь Риты на пояснице — твёрдую, уверенную.

— Глубокий вдох, милая. Теперь ты здесь своя. Помни всё, чему училась.

Мотивы бабочек мерцали на стенах — нежные крылья, расписанные оттенками фиолетового, золота и серебра, переливающиеся в свете. В голове было тихое эхо от разговоров, звона бокалов, низкой, пьянящей мелодии, льющейся из чёрного рояля в углу, за которым сидел пианист в смокинге.

Мужчины нежились в мягких бархатных креслах, с бокалами виски в руках. У некоторых на коленях сидели женщины, их пальцы лениво скользили по их обнажённой коже, по затылкам, по губам. Другие наблюдали, ждали, оценивали. Выбирали.

Я чувствовала на себе взгляды, пока мы шли по залу — мужчины оборачивались, провожали глазами, их взгляды скользили по моему почти прозрачному наряду, задерживались на груди, на бёдрах.

— Сегодня твоя первая ночь, — сладко произнесла Рита, останавливаясь у маленького столика и доставая из бархатной коробочки золотую брошь в форме бабочки. Она приколола её чуть выше моей груди. — Это значит, что я довольна твоими успехами в обучении. Клиенты будут давать тебе по-

хожие наклейки, как эта брошь, когда им понравится, как ты работаешь. Соберёшь достаточно — станешь одной из лучших девочек здесь. Получишь доступ в закрытые залы, к самым богатым гостям.

Я сглотнула, кивнула, чувствуя, как под золотым кружочком пульсирует кожа.

Рита наклонилась, губы оказались у самого моего уха:

— Никто не прикасается к тебе без оплаты. Это не дешёвый публичный дом. Запомни это. В приватные комнаты ведут, только если хотят большего. Здесь, в зале — только разговоры, взгляды, флирт. Ты можешь позволить им смотреть, можешь позволить касаться руки, но не больше. Поняла?

Дыхание перехватило, но я сохранила лицо абсолютно спокойным.

— Да.

— Они могут попросить поцеловать тебя, — продолжила Рита. — Могут попросить позволить им коснуться твоей груди, твоих бёдер. За это отдельная плата, и ты имеешь право отказать, если тебе что-то не нравится. Но если соглашаешься — это происходит здесь, в зале, на глазах у всех. Это часть твоей работы. Они платят за иллюзию обладания, за то, что другие видят — у него есть власть, у него есть деньги.

Она отступила на шаг, изучая меня острым, оценивающим взглядом.

— Но если хотят заняться с тобой сексом по-настоящему — это только в приватных комнатах. И только после того,

как ты скажешь "да". Здесь всё под твоим контролем. Ты решаешь, как далеко зайти.

Пульс стучал в висках, сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в тишине зала, но выражение моего лица оставалось спокойным.

Рита усмехнулась, заметив мою концентрацию.

— А теперь иди. — Она кивнула в сторону зала, где за столиком в одиночестве сидел мужчина в сером костюме, потягивая виски. — Займись им. Заставь захотеть тебя.

Я глубоко вдохнула, загоня остатки нервов поглубже, расправила плечи и сделала первый шаг в этот новый мир.

Каблуки уверенно зацокали по мраморному полу. Я почувствовала на себе десятки взглядов, но они не жгли, не пугали — они питали, давали силу.

Я подошла к столику, за которым сидел мужчина в сером. Он поднял глаза — тёмные, маслянистые, с откровенным интересом, что скользнули по моей фигуре.

— Добрый вечер, — мой голос звучал мягко, спокойно. — Не составите мне компанию?

Мужчина усмехнулся, откинулся на спинку кресла, разглядывая меня уже откровеннее.

— Составлю, — кивнул он на соседнее кресло. — Присаживайся, красавица.

Я села, грациозно, плавно, как учила Рита. Закинула ногу на ногу, и прозрачная юбка задралась ещё выше, открывая почти всё бедро. Я увидела, как дёрнулся его кадык, как по-

темнели глаза.

— Как тебя зовут? — спросил он, и в голосе появилась хрипотца.

— Соня, — улыбнулась я, чуть склонив голову. — А вас?

— Дмитрий.

— Красивое имя, Дмитрий, — я положила руку на стол, и он тут же накрыл её своей ладонью. Крупной, тёплой, с дорогими часами на запястье.

— Ты здесь новенькая? — спросил он, поглаживая большим пальцем мою кисть. — Я тебя тут раньше не видел.

— Да. Сегодня моя первая ночь, — честно ответила я. — И вы мой первый гость.

Его глаза вспыхнули.

— Повезло мне, — усмехнулся он. — Что пьёшь?

— То же, что и вы.

Он щёлкнул пальцами, подзывая официанта, и через минуту передо мной стоял бокал с янтарной жидкостью.

Мы говорили. О чём — я уже не помнила. Я делала то, чему учила Рита — слушала, улыбалась, смотрела в глаза, чуть касалась его руки, наклонялась так, чтобы вырез топа открывал чуть больше с каждым разом.

Через час он положил на стол золотую наклейку-бабочку и придвинул ко мне.

— Ты потрясающая, Соня, — сказал он хрипло. — Сколько стоит твоя компания?

Я улыбнулась той самой улыбкой, которой научила меня

Рита — обещающей, но не дающей.

— Пятьдесят тысяч, Дмитрий. За час в зале.

Он даже не моргнул.

— Отлично. Этот вечер ты только моя.

Я поднялась, чувствуя, как бешено скачет сердце. Взяла его за руку и села к нему на колени. У входа стояла Рита. Она чуть заметно кивнула мне.

— Чёрт, какая же ты... — выдохнул он, скользя руками по моей талии.

Я запрокинула голову, чувствуя, как его язык кружит на моей шее, как пальцы сжимают бёдра, как возбуждение разливается по телу горячей волной.

Я была готова.

Я хотела этого.

Глава 5

После той ночи я втянулась в ритм.

Каждый вечер я входила в бар «Джин», позволяя лилово-му неону омыwać себя с головы до ног. В обычную ночь я зарабатывала в десять раз больше, чем когда-либо получала в больнице. Острота стыда притупилась; теперь я просто выполняла движения, онемевшая до рук, что касались меня.

Но и в больнице кое-кто заметил перемену во мне.

Мне показалось, что Валентин Викторович видел всё.

Тонкий сдвиг в моей походке, уверенность, с которой я теперь держалась. То, как я перестала выглядеть вечно вымотанной — никаких больше тёмных кругов под глазами, никаких пропущенных обедов. От меня и пахло теперь иначе — люксовыми духами. Кожа приобрела сияние, которого раньше не было.

Я перестала брать лишние смены. Перестала пялиться в телефон, будто жду звонка, который никогда не поступит.

И самое странное для моих коллег?

Я начала улыбаться.

Болтать с другими медсёстрами, шутить, выглядеть счастливой.

Я знала, что это бесило моего начальника сильнее, чем следовало.

В первый раз, поймав себя на том, что он пялится на меня,

Валентин Викторович заставил себя отвернуться. Во второй — сжал челюсть и сделал вид, что меня просто нет. Но в третий, когда он увидел, как я поправляю свежевыкрашенные волосы и улыбаюсь чему-то в телефоне, он целую неделю игнорировал мои приветствия.

Он меня точно ненавидел за это преобразование. А какие чувства у него могли ещё быть ко мне — его когда-то затравленной практикантке?

Перемена во мне была не случайной. Это была Рита.

Однажды ночью, когда я уже собиралась уходить из бара, она окликнула меня и сунула в ладонь пухлый конверт с личными.

— Приведи себя в порядок, — сказала она, окинув меня ленивым взглядом. — Волосы, ногти, кожа — всё исправь. Ты должна выглядеть не как уставшая медсестра из провинции, а как девушка, за которую мужчины готовы платить по крупному. Много платить.

Я уставилась на конверт. На его вес. На безмолвный приказ за ним.

Я могла отказаться. Могла воспротивиться, притвориться, что не увязла в этом мире по уши. Но какой смысл? Я уже переступила черту, уже продала себя — что такое моя гордость в сравнении с той новой жизнью, что открывалась передо мной?

— Рит, а ты Ты случайно не знаешь какие-нибудь хорошие салоны красоты?

Рита вскинула бровь.

— Милая, «какие-нибудь» нам не подойдут. Ладно. Ты идёшь со мной.

На следующий день мы встретились у дорогого салона на Большой Конюшенной — места, куда я бы ни за что не вошла сама, даже если бы копила полгода. Запах лаванды и дорогих средств для волос наполнил воздух, пока администратор в идеально сидящем костюме приветствовала нас тёплой улыбкой.

Рита здесь уже бывала; она небрежно махнула рукой, как женщина, привыкшая, что её желания исполняются мгновенно:

— Полный пакет на обеих. Самый дорогой.

Я моргнула:

— Я... подожди, ты не должна...

— Тсс, — усмехнулась Рита, и в её улыбке мелькнуло что-то почти нежное. — Тебе это нужно. Считай это инвестицией в мой бизнес.

Процесс начался со спа для волос — тёплое масло вмассировали в кожу головы умелыми пальцами, потом пар, чтобы оно впиталось в каждую луковицу. Я закрыла глаза, пока специалисты трудились над моими волосами, и впервые за долгие месяцы почувствовала, как напряжение отпускает мышцы, как расслабляется каждая клеточка тела.

Следующей была глубокая чистка лица. Косметолог с идеальным маникюром нанесла охлаждающую маску, за-

тем промассировала лицо профессиональными движениями, снимая недели, месяцы усталости, въевшейся в кожу. Я никогда раньше не заботилась о таких вещах — в моей жизни на это не было ни денег, ни времени. Но когда я увидела своё отражение после всех процедур — сияющую, гладкую кожу, мягкие, увлажнённые губы, — пришлось признать: это имело значение.

Потом пришёл черёд маникюра и педикюра. Я смотрела, как мои ногти, вечно обкусанные от нервов и коротко остриженные для больничной работы, подпиливают, придают форму, покрывают лаком. Мастер выбрала мягкий, элегантный нюд — почти телесный, но с лёгким перламутровым блеском. Я устала на свои руки — руки, которые всегда были сухими и шершавыми от бесконечных обработок антисептиком, от долгих смен, от мытья полов в ординаторской. Теперь они выглядели нежными. Женственными. Желанными.

Рита, конечно, выбрала для себя ярко-алый, почти кровавый. Она усмехалась, шевеля пальцами перед моим лицом: — Секси, да? Мужики тащатся от красного. Говорят, представляет, как эти пальцы сжимают их — она не договорила, так как вернулась администратор.

Я закатила глаза, но улыбнулась. Впервые за годы у меня было ощущение, что у меня теперь есть подруга. Настоящая.

Рита была не похожа на тех девушек, что были у меня в колледже. Те были невинными, мечтали о карьере в государ-

ственных больницах, о замужестве с каким-нибудь программистом, о ипотеке на тридцать лет. Рита была другой — искушённой, острой, без извинений за то, кем она стала. Но, несмотря на всю её жёсткость и цинизм, она была добра ко мне. Она вела меня через эту новую жизнь без осуждения, без жалости, но с какой-то странной заботой.

— Рит, а почему ты до сих пор в этом бизнесе? — спросила я, когда мы вышли из салона, и прохладный вечерний воздух коснулся только что обласканной кожи. — Ты заработала достаточно, чтобы уйти, купить дом, уехать куда угодно. Так почему?

Рита пожала плечами, каблуки её туфель громко цокали по асфальту набережной:

— И куда?

— Не знаю. Куда-нибудь... получше? К морю, например. В Европу.

Рита рассмеялась, покачав головой.

— У тебя была работа «лучше», и всё же ты здесь. Дело не в месте, дорогая. Дело в том, что внутри. Я здесь не потому, что не могу уйти. Я здесь потому, что это место даёт мне то, что мне нужно. Власть. Контроль. Возможность быть той, кто я есть на самом деле.

Я посмотрела на её татуировки, выступающие из-под рукавов пальто — странные символы, переплетения линий.

— И кто же ты на самом деле? — тихо спросила я.

Рита остановилась, повернулась ко мне, лукаво улыбнув-

шись.

— Узнаешь когда-нибудь. Если сумеешь продержаться у нас.

Прошла ещё одна неделя, и впервые за всю жизнь я не просто выживала — я жила. Носила прекрасную одежду, купленную в брендовых магазинах, а не на распродажах. Ела качественную еду — свежие овощи, мясо, фрукты, о которых раньше только мечтала. И когда смотрела в зеркало, видела кого-то... красивого. Желанного. Сильного.

Но я понятия не имела, что эта ночь изменит всё.

Я сидела перед зеркалом в гримёрке, готовясь к ночи как обычно. Пальцы двигались уверенно — подводя глаза чёрной подводкой, растушёвывая тени, затемняя кайалом веки так, как научила Рита. На мне было то, что всегда — откровенная одежда, облегающая тело, подчёркивающая каждый изгиб. Но сегодня что-то чувствовалось иначе. Странное беспокойство поселилось в груди.

В этот момент в комнату вошла Рита.

— Малышка, — промурлыкала она. — Наконец-то кто-то готов сиять. Сегодня твой звёздный час.

Я нахмурилась, сбита с толку:

— Что? О чём ты?

Рита склонила голову, и в этом жесте было что-то хищное:

— Сегодня твои торги. Забудь про обычную работу в зале.

Сегодня ты — главное блюдо.

Я застыла. Воздух застрял в лёгких.

— Торги?

Рита закатила глаза.

— Я имею в виду, сегодня у тебя первый настоящий приват. Но не простой, а аукцион. Ты же девственница? Такое не продают по фиксированной цене. Такое эксклюзивно пускают с молотка.

Я замерла. Дыхание перехватило, сердце пропустило удар.

Я ожидала что-то почувствовать — возбуждение от предстоящего, может, даже облегчение, что наконец-то продвигаюсь в этом мире, что моё обучение принесёт плоды. Но всё, что я чувствовала сейчас — это ледяной ужас.

— Убедись, что оделась чуть пошлее сегодня, — продолжила Рита будничным тоном, поправляя губную помаду перед зеркалом. — Клиентам нравится видеть, что они получают. Возбуждение должно быть не только у тебя, но и у них. Чем больше они хотят тебя, тем выше ставки.

И вот так просто она вышла, оставив меня одну.

Я осталась сидеть, глядя на собственное отражение, разум онемел, тело не слушалось.

Так прошло несколько минут, прежде чем я наконец заставила себя пошевелиться. Встала на дрожащих ногах, подошла к шкафу, достала платье, которое Рита выбрала для меня заранее. Оно было полупрозрачным, телесного цвета — едва прикрывало грудь и бёдра, оставляя всё остальное под тонкой, как паутина, тканью. Когда я надела его, то почти не почувствовала одежды на теле.

Я вышла в коридор. Одобрительная улыбка Риты была мгновенной.

— Идеально. Ты выглядишь как подарок, который каждый мужчина мечтает завернуть себе.

Она схватила меня за руку, и её пальцы, несмотря на внешнюю мягкость, сжались с неожиданной силой, потянув меня в лаунж-зону.

В тот момент, когда мы вошли, моё сердце рухнуло куда-то в район желудка и забилося там, как пойманная птица. Комната сегодня была другой. Никаких других девушек. Никакой музыки. Никаких отвлечений.

Только мужчины.

Они сидели по всему залу в тусклом, красном свете — тёмные фигуры разного возраста, разных комплекций, но с одним общим: их глаза уже хищно впились в меня. Я почувствовала эти взгляды кожей.

Я тяжело сглотнула, заставляя себя не сжиматься, не прятаться. Я помнила правила Риты: неуверенность делает тебя добычей.

— Добрый вечер, господа, — промурлыкала Рита, поднимаясь на подиум. — Надеюсь, вы не слишком долго ждали? Не волнуйтесь. Сегодняшний лот точно стоит вашего терпения.

Свет был приглушён, но один единственный прожектор бил в центр зала — прямо на меня. Я стояла в луче, как экспонат, как товар на витрине. Невозможно было разглядеть

что-то за его пределами — лица гостей тонули в тенях, лишь смутные очертания кресел и тел.

— Сегодня особенный вечер, — продолжила Рита, медленно обходя меня вокруг. Я чувствовала её присутствие, но не видела. — Эта прекрасная девушка, которую вы видите... наша новейшая бабочка. Она прошла полное обучение, она знает, как доставить удовольствие, как быть той фантазией, которую вы так долго искали. Она точно знает, как угодить вам...

Живот скрутило в тугой узел.

— Но есть кое-что, что делает её ещё более особенной. — добавила Рита. — То, что превращает её из просто красивой девушки в сокровище, за которое стоит побороться.

Тишина упала на зал.

— Эта прекрасная девушка... девственница.

Воздух изменился мгновенно. Внезапный шёпот, резкие, жадные вдохи, возбуждение, повисшее в пространстве.

Моё тело предавало меня. Сердце бешено колотилось, кожа покрылась холодным потом, хотя в зале было тепло. Меня подташнивало от ужаса.

Вот оно. Вот момент, когда меня продают, как кусок мяса. И худшая часть?

Я добровольно в это вошла.

— Торги начинаются со ста тысяч! — объявила Рита.

Немедленно, словно по сигналу, раздались голоса из темноты:

— Сто пятьдесят тысяч!

— Сто семьдесят!

— Двести тысяч!

— Четыреста тысяч!

Я стояла, не двигаясь, не дыша, чувствуя, как суммы взлетают, как растёт моя цена. Я должна была радоваться. Мне причиталось пятьдесят процентов от этой суммы — больше денег, чем я видела в жизни, больше, чем я могла заработать за год в больнице.

Но в животе плескался только ледяной ужас.

Я едва различала голоса, но что-то в последней заявке заставило меня вздрогнуть всем телом.

Голос. Он был... знакомым.

— Пятьсот тысяч! — выкрикнул кто-то слева.

— Семьсот тысяч! — отозвался другой.

— Восемьсот тысяч!

Цифры взлетали всё выше, но я перестала их слышать. Я вслушивалась в тот знакомый голос, пытаюсь понять, откуда он, и почему заставляет сердце замирать.

— Два миллиона! — раздалось из самого центра зала, и по толпе пронёсся вздох.

Потом, после короткой, напряжённой паузы:

— Три миллиона.

Тот голос. Низкий, спокойный, властный. Голос человека, привыкшего, что его слушаются. Голос, который я слышала каждый день в больнице.

Тишина.

Комната замерла в гробовой тишине. Никто не говорил. Никто не поднимал больше ставку.

Рита расплылась в улыбке, её глаза торжествующе блеснули в полумраке:

— Продано! — радостно объявила она, хлопнув в ладоши. Повернулась ко мне, прижалась губами к моему уху, шепнула: — Чёрт, малышка. Три ляма. Надеюсь, ты выберешься живой после такого. Этот парень явно знает, чего хочет.

Кровь застыла в жилах, превратилась в лёд. Я повернулась к ней, сбитая с толку, не понимающая, не верящая в происходящее.

Рита проигнорировала мой ужас. Она хлопнула в ладоши громче, привлекая внимание, и выкрикнула в темноту:

— Господин, Вы можете подойти и забрать свой приз. Сегодня ночь полностью ваша. Делайте с ней всё, что пожелаете.

Мои лёгкие сжались, отказываясь работать.

И тогда

Время остановилось.

Фигура отделилась от темноты и шагнула в круг красного света. Сначала я увидела только очертания — широкие плечи, уверенную походку. Потом свет упал на лицо.

И в тот момент, когда я увидела мужчину, стоящего передо мной, всё вокруг исчезло. Голоса. Музыка. Стены. Сама реальность.

Сердце остановилось, а потом забилося с такой силой, что, казалось, разорвёт грудную клетку.

Валентин Викторович Резерфорд.

Мой начальник. Хирург, на которого я боялась даже смотреть. Человек из другого мира, из другой жизни.

Он стоял передо мной — высокий, черноволосый, с тёмно-кариыми глазами, которые сейчас, в этом приглушённом свете, казались мне абсолютно чёрными.

Глава 6

СОНЯ

Я проснулась от того, что кто-то коснулся моего лба. Прикосновение было лёгким, почти нежным, но чужое — и от этого по коже побежали мурашки.

Стон вырвался сам собой, когда я попыталась пошевелиться. Тело будто переехали, а потом бросили лежать где-то на обочине. Каждая мышца ныла, голова раскалывалась, а внизу живота пульсировала тупая, ноющая боль — жестокое напоминание о прошедшей ночи. Между ног всё горело, саднило, и даже малейшее движение бёдер отдавалось болью.

Я вспомнила всё и сразу. Его руки на моём теле, его дыхание, его голос, шепчущий что-то в темноте. Боль, смешанная с чем-то нестерпимо острым, от чего перехватывало дыхание. И как мир поплыл, а потом погас.

— Наверное, больно, да?

Голос вывел меня из воспоминаний — мягкий, с едва уловимой насмешкой.

Я распахнула глаза и дёрнулась, пытаюсь сесть. И только когда простыня сползла, осознала, что под ней я абсолютно голая.

Рита сидела рядом. На ней были чёрные кожаные штаны,

обтягивающие длинные ноги, и короткий меховой топ, открывающий плоский живот с поблёскивающим пирсингом в пупке. Нога на ногу, в руке — стакан с водой, на губах — понимающая усмешка. Ее глаза ощупывали меня с ленивым интересом.

— Держи, — она протянула маленькую белую таблетку, зажатую между идеальными пальцами с чёрным маникюром. — Запей водой. Полегчает.

Я уставилась на таблетку, потом на неё. Горло пересохло так, что язык прилипал к нёбу.

— Не нужно. Я в порядке, — прохрипела я, хотя сама себе не верила.

Рита усмехнулась, качнула головой. Серьга в её ухе качнулась, поймав свет.

— Малышка, всем это нужно после такой ночи. — Её взгляд скользнул по простыне, за которую я цеплялась, и в глазах мелькнуло что-то порочное. — Особенно после того, как ты обеспечила нам одного из самых щедрых клиентов. Три ляма Ты даже не представляешь, какой это успех.

Желудок скрутило, но я заставила себя встретить её взгляд.

— Насчёт этого... — я выпрямилась, насколько позволяло ноющее тело. — Отдай мою долю, пожалуйста. Я хочу уйти.

Тишина повисла между нами. Рита просто смотрела на меня, склонив голову набок. Потом она издала долгий, преувеличенно печальный вздох, поставила стакан на столик и

поднялась.

— Уйти? — повторила она. — Соня, Соня...

Она потянулась, грациозно выгибаясь, поправила меховой топ, открывающий татуировки, уходящие под ткань.

— Прими таблетку, отдохни. Завтра поговорим. — Она уже направилась к двери, каблук её ботильонов зацокали по стеклянному полу. — Не надо меня расстраивать. Хорошо?

— Рита, подожди.

Она замерла у двери, обернулась через плечо.

— М-м?

Я сглотнула, заставляя голос звучать твёрже.

— Я правда хочу уйти. Ты сказала, что моя доля — пятьдесят процентов. Я хочу свои деньги. Сейчас.

Рита издала тихий смешок. Потом медленно развернулась ко мне всем корпусом.

— Малышка моя... — Она постучала пальцем по подбородку, делая вид, что глубоко задумалась. Потом вздохнула, разводя руками. — Конечно. Ты получишь свои деньги.

Облегчение едва успело коснуться моей груди — но тут же рассыпалось в прах от её следующих слов:

— Но есть одно условие. Мы платим только в конце месяца. Так что прямо сейчас я не могу тебе ничего отдать.

— Но ты не говорила мне этого раньше.

Рита лениво пожала плечами.

— Потому что я не думала, что мы окажемся в такой ситуации. — Она склонила голову, усмешка стала шире, обна-

жая ровные белые зубы. — Ни одна девочка никогда не зарабатывала столько за одну ночь. Обычно они вкалывают месяцами, чтобы собрать такие деньги. А ты... — Она сделала паузу, смакуя. — Ты особенная малышка. Жаль будет с тобой распрощаться, конечно

Внутри меня закипала злость. На краткий, ослепительный миг я представила, как хватаю стакан со столика и разбиваю его о её голову, как её глаза расширяются от ужаса, как она оседает на этот дурацкий стеклянный пол.

Но я не сделала этого.

Вместо этого я выдавила тонкую, вежливую улыбку, спрятав бурю глубоко под кожу.

— Хорошо, — сказала я ровно. — Значит, я приду в конце месяца. За оплатой.

Усмешка Риты никуда не исчезла.

— Нет, милая, так тоже нельзя.

Я нахмурилась, чувствуя, как внутри закипает новая волна гнева.

— Почему?

— Потому что у нас есть правило: если пропускаешь больше трёх ночей, ты считаешься уволенной. — Она сделала паузу, давая мне осознать. — И все твои накопленные за месяц деньги сгорают.

Я уставилась на неё, чувствуя, как пульс ревет в ушах, заглушая все остальные звуки.

— Что?

Рита вздохнула — скучающе, будто объясняла прописные истины ребёнку.

— Такое правило. Либо остаёшься и продолжаешь работать до конца месяца, либо уходишь ни с чем. Твой выбор, милая.

Я стиснула зубы так, что скулы заходили ходуном. Но я заставила себя оставаться спокойной. Дышать. Не показывать слабость.

— Что это вообще значит? До конца месяца пятнадцать дней. Я не хочу продолжать. Я просто хочу свои деньги и уйти. — Я с трудом сглотнула, заставляя себя смотреть ей прямо в глаза. — Пожалуйста.

Рита вздохнула, лениво потянулась, будто этот разговор уже успел ей наскучить.

— Что ж, не всегда всё получается так, как мы хотим. — Она склонила голову, одарив меня приторно-сладкой улыбкой. — Так что... либо ты возвращаешься, либо теряешь всё.

С этими словами она развернулась и выплыла из комнаты, цокая каблучками. Дверь за ней закрылась с мягким щелчком.

Я наконец позволила себе выдохнуть.

Я сидела неподвижно, глядя в одну точку, и пыталась собрать мысли в одну кучу. В конце концов я потянулась к таблетке, которую она оставила. Тело ныло невыносимо, и как бы мне ни было противно брать у неё что-то, мне нужно было остановить эту боль.

Я проглотила таблетку, запив остатками воды. Посидела

ещё минуту, потом заставила себя подняться. Я кое-как доковыляла до душевой, встала под горячие струи и тёрла кожу мочалкой до красна, будто надеялась смыть с себя прошлую ночь. Но вода стекала, а воспоминания оставались: его руки на моём теле, его запах, его вздохи. И боль. Как же это всё было мерзко

Когда я вышла из душа и натянула свою обычную одежду — джинсы, серый свитер, кроссовки — я почувствовала себя почти нормально. Почему-то привычная одежда вернула ощущение реальности. Я схватила сумку и вышла из бара, даже не оглянувшись.

В метро я сидела, тупо глядя в чёрное окно, и думала. О деньгах. О Рите. О нём. О том, что теперь моя жизнь превратилась в какой-то бесконечный кошмар.

К тому времени, как я добралась до своей коммуналки на Василеостровской, я была вымотана настолько, что даже злость утихла, сменившись тупым онемением. Я вползла в свою комнату, рухнула на диван и провалилась в сон.

Проснулась я от того, что зазвонил будильник в телефоне. Тело по-прежнему ломило, но хотя бы голова прошла. Я взглянула на время и похолодела: я проспала. Через сорок минут начиналась моя смена в больнице.

Я вскочила, натянула форму, кое-как причесалась и вылетела на улицу. Всю дорогу до больницы я бежала, молясь, чтобы успеть. И успела — влетела в отделение за пять минут до начала.

— О! Ранняя пташка впервые в жизни опоздала, — усмехнулась старшая медсестра Зинаида Петровна, увидев, как я запыхавшаяся влетаю в раздевалку.

Я выдавила кривую улыбку, натягивая халат и засовывая сумку в шкафчик.

— Просто утро тяжёлое выдалось, — пробормотала я.

— Ну, что бы там ни было, забудь пока. — Зинаида Петровна понизила голос, стрельнув глазами в сторону ординаторской. — Валентин Викторович тебя спрашивал. Как только пришёл, велел прислать тебя к нему сразу.

В животе неприятно заныло.

— Что ты натворила? — спросила она с любопытством.

«Он меня купил, как вещь, а потом использовал меня до потери сознания», — горько подумала я, но только пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, по работе что-то.

Я поправила халат, глубоко вздохнула и направилась к его кабинету. Коридоры больницы были такими же, как всегда: запах хлорки и лекарств, пиканье кардиомониторов, спящие медсёстры. Но для меня всё изменилось. Я чувствовала себя уже чужой в этой стерильной чистоте.

Я постучала, задержав дыхание.

— Войдите, — раздался его бесстрастный голос.

Валентин Викторович сидел за столом, даже не подняв головы, когда я закрывала за собой дверь. Перед ним лежала открытая история болезни, но я заметила, что его рука за-

мерла над столом, а взгляд остановился на мне всего на секунду, прежде чем снова уткнуться в бумаги.

— Вы меня вызывали?

Он не ответил сразу. Вместо этого выдвинул ящик стола, достал оттуда шприц и маленькую стеклянную ампулу. Положил их на стол передо мной.

Я нахмурилась, глядя на них. Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие.

— Приготовь это, — приказал он, и его тон был ледяным, лишённым даже намёка на вчерашнюю страсть.

Я взяла ампулу, повертела в пальцах, прочитала этикетку. И всё внутри меня оборвалось.

Противозачаточное средство. Укол, который ставят в течение семидесяти двух часов после полового акта, чтобы предотвратить беременность.

Пальцы на долю секунды замерли, прежде чем я заставила себя двигаться дальше. Руки на автопилоте вскрыли ампулу, набрали прозрачную жидкость в шприц, выпустили пузырьки воздуха.

Конечно. Для него это было приоритетом. Не спросить, как я себя чувствую, не сказать ни слова — просто защитить себя от возможных последствий.

Когда я закончила, он встал и подошёл ко мне. Взял шприц из моих рук.

— Закатай рукав.

Я инстинктивно отшатнулась на полшага.

— Я попрошу Галину Сергеевну, — сказала я, стараясь, сохранять самообладание.

Его глаза потемнели.

— Чтобы вся больница знала, чем ты занимаешься по ночам?

Я почувствовала, как щёки заливают краской — от стыда, от злости, от унижения.

— А это преступление? Не вижу в этом ничего плохого.

— Не видишь?

— Слушайте, — процедила я сквозь зубы. — Мне двадцать пять, и у меня может быть личная жизнь.

— Да, может. — Он согласился слишком легко, и это насторожило. — Но просто позволь мне сделать это.

Он шагнул ко мне, протягивая руку к моему запястью.

Я отдёрнула руку.

— Нет. Вы не можете.

Его челюсть сжалась, желваки заходили под кожей.

— Думаешь, проведёшь меня? Я знаю таких, как ты. Ты сделаешь всё, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь.

Я нахмурилась, не понимая. О чём он?

А потом дошло.

Он думает, что я отказываюсь от укола, потому что хочу его подловить. Забеременеть, чтобы привязать его к себе, вытянуть из него деньги, положение. Он считает меня расчётливой стервой, которая только и ждёт, чтобы вцепиться в его кошелёк мёртвой хваткой.

Горький смешок сорвался с моих губ раньше, чем я успела его сдержать.

— Тогда Вам стоит быть особенно осторожным, — прошептала я слишком ядовито, и он, кажется, на мгновение растерялся.

Не давая ему времени опомниться, я скинула халат на пол. Закатала рукав свитера до локтя, обнажая кожу с проступающими венами. Вырвала шприц из его пальцев — он даже не успел среагировать — и, одним резким движением вонзила иглу себе в руку. Удивительно, но попала прямо в вену. Боль была резкой, но я даже не вздрогнула. Медленно нажала на поршень, наблюдая за его реакцией. Выдернула иглу — маленькая капля крови выступила на месте укола и потекла вниз по запястью.

Я швырнула пустой шприц на его стол. Подхватила халат с пола. И, не сказав больше ни слова, вышла из кабинета, хлопнув дверью.

В коридоре я остановилась, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. В ушах шумело. Мимо прошмыгнула какая-то медсестра, бросила любопытный взгляд, но я не обратила внимания.

Всё в моей жизни превратилось в полный кошмар. Стало хуже, чем раньше. Намного хуже. Потому что раньше у меня была только бедность и усталость. А теперь появились деньги, которые я не могу получить, мужчина, которого я ненавижу всем сердцем, и чувство, что я окончательно и беспо-

воротной сломалась.

Я открыла глаза, выдохнула и пошла работать. Потому что больше ничего не оставалось.

Глава 7

ВАЛЕНТИН

Я двинулся ближе, так близко, что почувствовал её сбивчивое дыхание на своих губах. Её глаза зажмурились, тело напряглось, будто готовясь к чему-то неизбежному.

Я хотел поцеловать её. Нет — я сгорал от желания.

Но не стал.

Не потому что не хотел сильно, а потому что не должен был. Независимо от обстоятельств, независимо от того, как сильно я горел желанием заявить на неё права, это... это было неправильно.

С резким выдохом я отстранился, отступив ровно настолько, чтобы создать между нами пространство.

Её глаза распахнулись, вглядываясь в мои.

— Что случилось? — спросила она, голос едва громче шёпота.

Моя челюсть сжалась. Внутри бушевала война, но гнев победил.

— Я не трахаю своих подчиненных.

Слова сорвались с губ прежде, чем я успел их остановить.

Она вздрогнула, губы приоткрылись, в глазах блеснула непролитая слеза. Секунду между нами висела тишина. По-

том она медленно шагнула вперёд.

— Тогда не надо было покупать меня, — выплюнула она в ответ.

Я резко выдохнул, запустив руку в волосы. Она понятия не имела. Понятия не имела, что я никогда не планировал прикасаться к ней. Что на мимолётный момент я действительно хотел её защитить.

— Ошибка уже сделана, — пробормотал я. — Я думал, тебя заставили работать здесь. Что тебя похитили и заставляют делать это против воли. — Я выдохнул безрадостный смешок, покачав головой. — Но я ошибался. Сильно ошибался.

Не говоря больше ни слова, я развернулся и пошёл к кровати. Тяжёлый воздух между нами душил, но я проигнорировал это. Лёг, закрыл глаза.

Я не был уверен, пытаюсь ли заснуть или просто сбежать от хаоса мыслей в голове. Но в любом случае я отказывался смотреть на неё снова.

Эта девушка мне нравилась.

Но сейчас она вызывала во мне только отвращение.

На краткий миг в комнате повисла тишина — та самая тишина, когда всё замирает, когда мир, кажется, перестаёт дышать.

Потом я почувствовал мягкое прикосновение к коленке.

Я распахнул глаза, и вот она, сидит рядом со мной. Её выражение изменилось — больше ни уязвимости, ни страха.

— Ты что делаешь? — спросил я, садясь.

Она чуть склонила голову, пальцы скользнули вверх, обхватывая моё лицо. Прикосновение было тёплым, но глаза — холодные, чувственные.

— Делаю то, за что Вы заплатили.

Я смотрел на неё, пульс участился. Это была не та Соня, которую я знал два года.

Не та девушка, что опускала взгляд, когда я проходил мимо. Не та, что когда-то заикалась передо мной.

— Я получаю пятьдесят процентов от того, что Вы сегодня заплатили — полтора миллиона, — продолжила она, пальцы скользили по моим скулам. — Так что, по крайней мере... я должна обеспечить Вам хороший сервис.

— Не играй со мной, — предупредил я.

Её губы изогнулись в чём-то, что сложно было назвать улыбкой.

— Тогда Вы играйте со мной, Валентин Викторович, — прошептала она, голос сочился опасной притягательностью.

Её пальцы скользнули вниз от моей щеки, прошлись по шее.

И потом эти глаза — горящие, уверенные, ничего общего с девушкой, которую я думал, что знаю — смотрели прямо в мои. Бросая вызов.

Я не мог больше контролировать себя.

Мои руки нашли её талию, сжали крепко, прежде чем притянуть вплотную к себе.

Мягкий, задыхающийся стон сорвался с её губ.

— Ах...

Всё. Это был последний рубеж.

Я впился в её губы поцелуем, глубоким, поглощающим — сырым от эмоций, которые никто из нас не осмеливался озвучить. Она ответила без колебаний, её губы двигались в идеальном ритме с моими, отвечая на мой голод, моё отчаяние.

Между прерывистыми вздохами её пальцы сражались с пуговицами моей рубашки, распахивая её. Мои руки двигались так же жадно, срывая это жалкое подобие платья с неё.

Я застонал, руки переместились ей на затылок, притягивая невозможно ближе, пожирая каждый сантиметр.

Прошли минуты — может, больше — потерянные в лихорадочных поцелуях.

И наконец мы оторвались друг от друга, тяжело дыша.

Её губы покраснелись, щёки пылали, дыхание сбилось на короткие, поверхностные всхлипы.

Я просто смотрел. Смотрел на женщину передо мной, на то, как она выглядит — самое прекрасное создание, что я видел за жизнь.

Я никогда не представлял, что моя ночь обернётся так, когда последовал за ней после очередной смены.

— Уже устали, Валентин Викторович? — поддразнила она с порочным вызовом в ухмылке.

Мне не нужно было больше провокаций. Моя рука вы-

стрелила вперёд, сжимая её затылок и дёргая ближе.

— Ты пожалеешь об этом, — предупредил я, любуясь ею так близко.

Но она не остановилась. Вместо этого выскользнула из моей хватки, чуть откинувшись назад. И потом — раздвинула ноги, взгляд прикован ко мне. Медленно, осознанно, поднесла два пальца к губам, смочила их, прежде чем скользнуть между бёдер.

Значит, вот такая у неё игра?

Я усмехнулся про себя, быстро поднялся и сбросил брюки. Прежде чем она успела среагировать, одним стремительным движением схватил её за запястье и зафиксировал над головой, нависнув сверху. Её глаза смотрели на меня с соблазнительным блеском.

— Возьмите меня... Валентин Викторович, — прошептала она, выгибаясь навстречу мне.

— Возьму.

Пальцы нашли её самое чувствительное место и мягко коснулись его. Она громко застонала, рот приоткрылся, глаза закатились от удовольствия.

— Достаточно хорошо? — спросил я, не скрывая усмешки. Она улыбнулась, глаза всё ещё закрыты в экстазе.

— Вполне...

Одним стремительным движением я вошёл в неё, погружаясь в её влажное, горячее тепло. Соня снова застонала, тело двигалось в такт со мной, когда я начал двигаться в рит-

ме, который задавала она. Сначала я не торопился, давая ей время привыкнуть.

— Так вяло Вы что, не ели ничего сегодня? — поддразнила она, голос игривый. — Мне одолжить Вам денег?

Я вскинул бровь, увеличивая темп, продолжая двигаться в ней. Она застонала громче, красивое тело бешено двигалось подо мной, пока я овладевал ею.

— Наслаждайся, — пробормотал я, когда наклонился, губы едва коснулись её. Её дыхание перехватило, предвкушение мелькнуло в потемневших глазах. Я чувствовал капитуляцию в том, как выгибалось её тело, как приоткрылись губы в беззвучной мольбе.

Я провёл губами по её щеке, жар между нами был невыносимый. Она выдохнула дрожащий вздох, голова откинулась, открываясь мне полностью.

Медленная, знающая усмешка тронула мои губы.

— Ты хотела этой игры, Соня, — прошептал я в её кожу. — А теперь посмотрим, сколько партий ты выдержишь.

Ночь принадлежала мне, и она — тоже.

Снова и снова я брал её, чувствуя, как её тело отвечает на каждое моё движение, как её дыхание сбивается в такт со мной, пока ей нечего было отдавать. В какой-то момент она задрожала подо мной, тело за один миг расслабилось. Глаза неожиданно закрылись, голова откинулась на простыню.

Она потеряла сознание.

Только тогда я наконец остановился и осознал Сука. Она

же никогда до этого не была ни с кем. Девственница. А я довёл её до такого изнеможения, что она потеряла сознание. Вот же

Её дыхание было мягким, неровным, ресницы подрагивали даже в беспомощности.

Я глубоко выдохнул, запустил руку в волосы, прежде чем потянуться за своим платком.

Аккуратно обтёр её, смывая каждый след ночи с её кожи. Закончив, отбросил ткань в сторону и встал, быстро одеваясь. Мой взгляд задержался на ней на краткий миг — на покрасневших щеках, чуть приоткрытых губах, на подъёмах груди.

Простояв так минуту, я развернулся и вышел, оставив её в тишине тускло освещённой комнаты.

Глава 8

СОНЯ

Я проснулась от того, что кто-то коснулся моего лба. Прикосновение было лёгким, почти нежным, но чужое — и от этого по коже побежали мурашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.